

дуальностью, мыслью, чувствами — как же может быть, чтобы это исчезло? Не может быть!».¹⁴ Наконец, последние слова, написанные рукой Бунина: «Это все-таки поразительно до столбняка! Через некоторое *очень* малое время меня не будет — и дела и судьбы *всего, всего* будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!.. И я только тупо, умом *стараюсь* изумиться, утрашиться!»¹⁵ Это «стараюсь» — свидетельство того, что воображение бессильно постичь неизбежность своего конца и, тем более, бессилён ум.

В рассказе «Огонь пожирающий» *ее* смерть столь же непостижима, как и *моя* смерть: «...как представить себе, как поверить... И я не представлял, не верил... ...да вот весенний ветер, а *ее* уже нет! Вот солнечный блеск и Сена, а она этого уже не видит и не увидит никогда!» (5, 113). Как постичь двуединство этой истины: *она* осознана мною как *я* — и все же между нами бездна, ибо *она* мертва, а *я* жив. Ее смерть наделила меня еще более острым чувством жизни и еще более острым чувством смерти. Если речь идет о жизни и смерти, то и атмосфера явленности и сокровенности, столь присущая бунинскому миру, сгущается настолько, что становится содержательным, сущностным ядром произведения. Так и в этом рассказе жизнь и смерть написаны с равной силой чувственной достоверности, и они же являют собой великое таинство. Кладбище: «Это город великой печали и великого отчаяния, — подумать только, какие миллионы легли здесь и еще лягут! Но удивительно, — какая-то благодатная, душу умиротворяющая радость все-таки витает здесь надо всем. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вечной молодости мира, вечно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, в которую сердце невольно и наивно верит или жаждет верить здесь?» (5, 114). Вечное безответное вопрошание...

Если отдельные новеллы запечатлевают разные лики смерти, то в «Жизни Арсеньева» они сопрягаются и переплетаются, но не настолько, чтобы ослабела сила напряжения между ними. Сквозной мотив «Жизни Арсеньева» — это роль впечатлений о смерти в истории становления личности. Одна из начальных главок, X, почти целиком посвящена рассуждениям о смерти. Сразу же заявляя о том, что у него обостренное чувство смерти, автопсихологический герой Бунина тут же добавляет: «в силу столь же обостренного чувства жизни» (6, 26). Иными словами, между чувством жизни и чувством смерти существует взаимосвязь: одно обостряет другое.

Далее следует утверждение величайшей важности: «Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти» (6, 26). Заметим: не с чувством жизни, а с чувством смерти. «Смерть, увы, была как-то соединена с ним. Соединено с ним было и бессмертие» (6, 26). Проблема смерти сразу же возникает перед Буниным в двуединстве своих граней — как конечности и как бесконечности. Чувство смерти — это нечто большее, чем биологический инстинкт, — она сопрягается с трансцендентными глубинами бытия. Одно из ранних впечатлений, формирующих душу, — это прощенное воскресенье, пост, страстная и, наконец, Пасха, т. е. путь от жизни к смерти и вновь к жизни, поправшей смерть. Но в ощущениях Арсеньева смерть поправа не вполне: «Однако она даже и тут была, даже в Пасхе» (6, 27). «Как прекрасно было все это! Но, увы, было и грустно и жутко немного. (...) А все-таки было во всем этом и что-то церковное, божественное и потому опять соединенное с чувством смерти, печали» (6, 27—28). Эта непонятная грусть, эта печаль, не только не исчез-

¹⁴ Там же. С. 524.

¹⁵ Устами Буниных. Т. 3. С. 208.